

Елена
Покровская

ТАЙНА
ЗАБРОШЕННОГО
ДОМА

Елена Покровская

Тайна заброшенного дома

«Автор»

2026

Покровская Е.

Тайна заброшенного дома / Е. Покровская — «Автор», 2026

Можно ли обрести будущее, если у тебя силой отняли прошлое? Анна построила успешную жизнь в Москве, но внутри неё — пустота сиротства. Всё меняется, когда поездка в костромскую глубинку оборачивается путешествием во времени. Через загадочную находку в жизнь Анны врывается трагический 1937 год. Судьбы людей, оставшихся верными Богу в эпоху гонений, переплетаются с её собственной судьбой. На руинах забвения Анне предстоит совершить главное открытие в жизни — обрести свои корни, истинное наследие и духовный покой. История о тонкой нити между прошлым и настоящим, которая способна исцелить израненное сердце.

© Покровская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Августовский вечер на веранде	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Елена Покровская

Тайна заброшенного дома

Глава 1. Августовский вечер на веранде

Анна сидела на просторной, залитой закатным солнцем веранде, которая всё еще тонко пахла свежей древесиной и лаком. Всего два года назад они с мужем купили этот участок в деревне и построили новый просторный дом из кедрового бруса. Старый, покосившийся домик разобрали, землю расчистили, а вот яблони у самого забора решили пощадить — крепкие, наливные, с толстыми узловатыми стволами. «Готовый яблоневый сад, как я и мечтал», — сказал тогда Михаил, обводя ладонью старые деревья.

Муж сам настоял на этой покупке. «Тебе нужно тихое место, Ань. Где никто не будет отвлекать, где ты сможешь дышать свежим воздухом, вдохновляться природой и писать свои романы», — убеждал он. Сам Михаил, успешный столичный бизнесмен с вечным цейтнотом в расписании, не мог проводить здесь много времени: бесконечные встречи, переговоры, звонки. Но каждую пятницу он бросал дела на своих замов и неизменно приезжал на выходные. Привозил свежие продукты, редкие книги, которые выискивал для её вдохновения, и подолгу сидел с ней на этой самой веранде, баюкая в ладонях чашку горячего чая с ароматными травами и чутко слушая наброски новых глав.

Сейчас, в остывающих августовских сумерках, веранда казалась хрупким островком тепла посреди засыпающего мира. Перед Анной на деревянном столе лежал раскрытый блокнот — очередной фрагмент романа упорно не складывался, слова казались плоскими. Заходящее солнце окрасило горизонт в блекло-розовые тона. Тени от яблонь у забора вытянулись, потемнели и беззвучно поползли к ступеням, будто пытаясь подглядеть, что написано на бумаге.

Анна невольно улыбнулась, вспомнив, как Михаил, стоя под одной из яблонь, задумчиво гладил шершавую кору: «Наверняка этим деревьям лет двадцать, не меньше». Теперь эти старые ветви давали скромный, но удивительно сладкий урожай. Анна потянулась прямо с веранды, сорвала некрупное яблоко и надкусила. Кисло-сладкий сок мгновенно отозвался в памяти детством — точнее, тем немногим, что она вообще о нём помнила. Ласковый голос, напевающий колыбельную, запах печёных яблок с корицей... Воспоминания таяли, едва она пыталась за них ухватиться. Всё, что касалось её жизни до детского дома, оставалось сплошным туманным пятном.

«Кто я? Откуда?» — в сотый раз привычно и безответно подумала она. — Кто были мои родители?»

Воздух заметно остывал. Ещё час назад он дышал душным дневным зноем, а теперь принес свежую, острую августовскую прохладу — ту самую, что беспощадно напоминает: лето на исходе. Анна глубоко вздохнула. На веранду потянуло терпкой полыньёю, скошенной травой и горьковатым дымком от чьего-то костра за околлицей.

Деревня вокруг затихала, погружаясь в вечерние звуки. В густой траве у забора монотонно исходили трелями сверчки, у пруда лениво переключивались лягушки, а из глубины темнеющего леса донеслось тяжёлое, гулкое уханье совы. От этого звука по спине пробежали мурашки.

Анна снова попыталась сосредоточиться на тексте. Пальцы замерли, ручка зависла над страницей, но белые листы словно отталкивали мысли. Слова не шли. Изнутри поднималась странная, необъяснимая тревога, навеванная то ли остывающей прохладой, то ли глухим совиным криком. Она поёжилась и закрыла блокнот.

Небо быстро наливалось чернильной темнотой, и на нём одна за другой проступали крупные, чистые звёзды. На траву уже ложилась сырая роса, и снизу, сквозь доски веранды, потянуло настоящим ночным холодом. Анна потянулась к спинке стула за любимой мохеровой шалью — подарком Михаила на пятилетие свадьбы. Шаль источала приятный, тонкий, успокаивающий аромат лаванды. Закутавшись в неё, как в тёплые объятия мужа, Анна переставила кресло-качалку ближе к перилам, откуда открывался чистый вид на небосвод.

Полозья мерно заскрипели по дереву. Этот тихий, домашний звук легко вплёлся в ночные шорохи, утишая тревогу.

В такие минуты, когда мир вокруг замирал, Анне всегда думалось глубже. Она смотрела на разгорающиеся над лесом созвездия, и в её сознании они вдруг стали оживать, превращаясь в метафоры.

«Вот эта, самая яркая и одинокая звезда над верхушками елей — словно взгляд человека, который преданно кого-то ждёт, — замороженно думала она, вглядываясь в темноту. — А россыпь мелких искр вокруг неё — шёпот чужих сомнений. И сама стена леса — как глухая, страшная граница между прошлым и будущим...»

Она прикрыла глаза, впитывая тишину, прохладу и мерный скрип полозьев. Тёплая шаль укутывала, словно облако, ночные звуки отдалялись, сливаясь в баюкающий гул. Дыхание стало ровным, а мысли — расплывчатыми...

Внезапно в полусне Анну пронзила мысль — яркая, почти осязаемая. Сюжет! Она рванулась было вперёд, чтобы схватить блокнот и записать, пока озарение не ускользнуло, — но замерла на полувдохе.

Там, в глухой ночной темноте, в окне соседнего заброшенного дома, блеснул огонёк. Ровный, тёплый, живой — так горит восковая свеча.

Анна прищурилась, сердце испуганно ёкнуло.

«Этого не может быть. Туда никто не ходит годами», — пронеслось в голове.

Местные жители предупреждали, что у этого места дурная слава. Много десятилетий назад там произошло что-то нехорошее, и с тех пор дом обходили стороной. Даже деревенские дети не бегали туда играть, а прежняя тропинка наглухо заросла бурьяном и крапивой выше человеческого роста.

Анна вгляделась пристальнее. Огонёк не дрожал, не колебался от ветра. Он просто стоял на подоконнике за мутным, треснувшим стеклом. Из глубины заброшенного, мёртвого дома кто-то безмолвно смотрел на неё этим пламенем.

Уютный вечер, мысли о выдуманном романе, забота Михаила — всё вмиг рассыпалось. Остался только этот необъяснимый свет и гулкая, давящая тишина.

Анна медленно поднялась. Мохеровая шаль бесшумно соскользнула с её плеч на доски веранды, но она даже не заметила сырого холода.

— Кто там?.. — прошептала она в темноту, пугаясь собственного голоса.

Огонёк продолжал светить — спокойно, кратко и настойчиво, будто звал её к себе.

Огонёк в заброшенном доме

Анна до боли в глазах всматривалась в ночную тьму. Чтобы унять подступающую панику, она принялась лихорадочно искать происходящему простое объяснение.

«Это просто осколок, — убеждала она себя, цепляясь за спасительную мысль. — В разбитой раме уцелел кусок старого стекла, и в нем под определённым углом отражаются звёзды или луна. Ну конечно».

Она попыталась глубоко вздохнуть и расслабиться, но в следующее мгновение огонёк качнулся и вспыхнул чуть левее, будто переместился вглубь комнаты. Дыхание Анны пере-

хватило, словно воздух в комнате разом кончился: свет не просто мерцал, он пульсировал с пугающей, математической периодичностью. Короткая вспышка, долгая пауза, две короткие вспышки подряд.

«Он подаёт сигнал», — обожгла догадка.

Она непроизвольно начала отсчитывать про себя, затаив дыхание: раз пауза два, три Огонёк погас, но лишь для того, чтобы вспыхнуть вновь — пронзительно, жадно, словно невидимая рука поправила фитиль, — и тут же снова растворился во тьме.

Анна судорожно сжала пальцами деревянные перила веранды. Кто там? Деревенские подростки решили проверить себя на слабость и забрались в пустующий дом? Нет, это объяснение тоже не сходилось. Здешняя молодёжь за версту обходила это место даже в солнечный полдень. К тому же, если бы туда залезли хулиганы, они бы непременно шумели, выдавали бы себя шагами или глупым смехом.

Здесь же всё происходило в абсолютной тишине. Огонёк двигался с какой-то потусторонней, размеренной точностью. Кто-то чужой, затаившись в мёртвых, пустых комнатах, намеренно транслировал этот ритм в ночную темноту.

Её пальцы мелко дрожали — уже не от ночной свежести, а от липкого, нарастающего страха.

Огонёк мигнул вновь — теперь в другом окне, выше и правее.

В памяти всплыли обрывки разговоров местных старожилов. Поговаривали, что до войны здесь жила какая-то праведная семья, которую постигло страшное горе, и с тех пор законченный дом словно хранит тяжёлую тайну. Два года назад, когда подписывали документы, прежний хозяин участка лишь махнул рукой в сторону покосившегося забора: «Соседний дом заброшен уже бог знает сколько лет, хозяев нет и не будет, так что мешать вам никто не станет. Местные, правда, фантазируют разное — будто по ночам оттуда то ли молитвенный шёпот доносится, то ли вздохи какие-то. Сами понимаете, деревенские суеверия, ветер в пустых брёвнах гуляет, а они и рады сказки сочинять».

Тогда Анна лишь улыбнулась чужим фантазиям. Но сейчас, в звенящей ночной тишине, эти «сказки» оживали на её глазах.

Она замерла, боясь сделать вдох. Прошло несколько долгих, невыносимых минут. Свет не появлялся. Неужели показалось? Анна уже готова была облегчённо выдохнуть, как вдруг

Вспышка! Самая яркая из всех. Световая точка снова замерла в оконном проёме. Казалось, невидимый наблюдатель понял, что за ним следят, и уставился прямо на неё.

Анна отпрянула в тень веранды, дыхание перехватило. Свет ответил на её движение: подержался ещё несколько секунд и резко, будто подчиняясь беззвучному приказу, погас.

Навалилась непроглядная темнота. И в этой крошечной тьме из глубины пустующего дома донёсся звук.

Негромкий. Чистый. Мелодичный металлический звон.

От этого звука внутри у Анны всё перевернулось. Он не пугал — он звал, проникая в самую душу и пробуждая странные, необъяснимые образы. Откуда они могли взяться у неё, детдомовской девочки? Но ритм огонька всё ещё стучал в висках, как пульс: раз, пауза, две вспышки. Словно тайное послание из прошлого, которое ей только предстоит расшифровать.

Сон наяву

Анна рывком открыла глаза и судорожно с хрипом выдохнула. Сердце колотилось где-то у самого горла. Она по-прежнему сидела в кресле-качалке на своей веранде, укутанная в пушистую мохеровую шаль. Над головой мирно горела круглая лампа, очерчивая на деревян-

ном полу спасительный круг жёлтого света. За перилами простиралась ночная тьма, растворяя в себе силуэт старого забора, за которым угадывались контуры заброшенного дома.

«Господи, приснится же такое — подумала она, с силой потирая лицо ладонями, чтобы проснуться. — Просто кошмар. Липкий, душный кошмар».

В сознании ещё дрожали обрывки увиденного: загадочный ритмичный огонёк, чужой неотрывный взгляд из темноты, манящий металлический звон. Анна поспешно вгляделась в глубь ночи. Соседские стены стояли тёмными, немymi, без единого проблеска. Ни искры, ни движения. Всё спокойно. Обычное следствие переутомления и слишком живого воображения.

Она хотела подняться, как вдруг — резкая, ослепительная вспышка! Не там, в заброшенном саду, а прямо внутри её собственной головы, словно беззвучная молния ударила наотмашь. Анна зажмурилась, а когда заставила себя разомкнуть веки, веранды больше не было. Всё вокруг изменилось.

Она стояла посреди незнакомой, залитой мягким золотистым сиянием комнаты, будто от сотен невидимых свечей. Воздух здесь был густым, тёплым, пропитанным благодным ароматом ладана, воска и сушёных трав.

Едва слышно, будто издалека, нараспев звучала молитва — негромкий мужской голос бережно выговаривал древние, удивительно певучие слова.

Анна огляделась, затаив дыхание. В углу, под самым потолком, высился домашний иконостас: строгие, потемневшие от времени лики в серебряных и деревянных окладах. Перед ними кротко теплилась рубиновая лампадка, разливая вокруг мягкий румянец. На столе, рядом с дымящейся чашкой чая, лежали толстые старинные книги с шёлковыми лентами-закладками и раскрытая тетрадь, исписанная убористым, аккуратным почерком.

От этой мирной картины у Анны сладостно и больно сжалось сердце. Нахлынуло странное, доводящее до слёз чувство: она точно знала эту комнату. Не разумом — память детдомовской девочки была чиста, — а самым сокровенным уголком её израненной одиночеством души. Здесь дышало абсолютное, давно утраченное счастье. Безопасность и покой, которые она искала всю жизнь, и обрела только сейчас, в этом сне.

Вдруг молитва смолкла. Священник в тёмной рясе, стоявший у икон, медленно повернулся. Анна замерла, но не от страха, а от хлынувшего в душу тепла: его ласковые глаза, лучившиеся невыразимой добротой и тихой скорбью, смотрели прямо на неё. Он по-настоящему видел её. Как отец видит своего долгожданного ребенка.

Батюшка сделал едва заметный шаг навстречу, и его глубокий, мягкий голос отчётливо прозвучал прямо в её мыслях:

— Помни, Анечка: каким бы тёмным ни казался час, Господь всегда оставляет нам Свой свет. Главное — не закрывать от Него сердце.

Анна ощутила, как по щекам покатились горячие, неудержимые слёзы.

«Откуда он знает моё имя? — пронеслось в голове. — И почему от этого голоса так щемит в груди?»

Она попыталась сделать шаг вперёд, протянуть к нему руки, но в это мгновение комната начала стремительно таять. Золотистый свет угасал, дорогие сердцу образы расплывались, а пространство вокруг закружилось, распадаясь на тёмные лоскуты.

Анна очнулась. На этот раз окончательно. Круглая лампа всё так же мирно горела над головой, пушистая шаль по-прежнему согревала плечи, а за перилами веранды стояла прохладная августовская ночь.

«Господи, неужели это просто сон?» — Анна замерла, боясь шевельнуться. — Нет. Обычные сны такими не бывают. Не бывают»

Страх не было. Была удивительная, благодная наполненность в груди — тихая, омывающая душу радость, от которой сладостно ныло сердце.

Она невольно коснулась пальцами лица: щёки были влажными от настоящих, ещё не высохших слёз. Руки мелко дрожали, но это была дрожь потрясения, а не испуга.

— Что это было? — прошептала она в звенящую ночную тишину.

Обычно сновидения хаотичны и быстро блекнут после пробуждения, но этот врезался в память до мельчайших подробностей. В сознании всё ещё стоял густой, сладковатый аромат ладана, перед глазами дрожал рубиновый отсвет лампадки, а в ушах до сих пор звучал мягкий, бесконечно родной голос. Голос, который назвал её по имени. *Анечка*.

Она медленно поднялась, подошла к самым перилам веранды и крепко опёрлась на них, пристально вглядываясь в темноту. Первобытный ночной страх бесследно исчез. На его место пришло глубинное, трепетное изумление.

Старый дом больше не казался зловещим — теперь он выглядел сиротеющим, покинутым, но бережно хранящим великую тайну прошлого. Анна смотрела на его тёмные окна и вдруг до боли в груди ощутила странное, почти кровное родство с этим местом. Ведь она сама когда-то была точно такой же — забытой всеми сиротой в холодном детдоме, испуганной, отрезанной от своих корней. Этот дом был отражением её собственной души.

Почему слова незнакомого батюшки отозвались в ней такой острой, щемящей болью? И почему его призыв искать свет прозвучал так ясно, будто пронзил само время ради неё?

Анна медленно выдохнула, чувствуя, как внутри кристаллизуется непоколебимое решение.

— Завтра, — тихо, но твёрдо произнесла она в пустоту ночи. — Завтра я узнаю у местных об этом доме всё. До единого слова.

Этот выбор дался неожиданно легко. Не как отчаянная попытка разгадать пугающий ребус, а как самый естественный шаг в её жизни — будто все тридцать лет она шла именно к этому моменту.

Напоследок Анна бросила ещё один взгляд на заброшенное здание. Дом стоял неподвижно, растворяясь в глубоких ночных тенях, а над его провалившейся крышей раскинулось бескрайнее звёздное небо. Было тихо. Так тихо, словно вся вселенная замерла в ожидании её первого шага.

Зайдя в дом, она не стала ложиться спать. Анна прошла в свой кабинет, зажгла настольную лампу и взяла чистую тетрадь. Пальцы, всё ещё хранившие память о пережитом трепете, лихорадочно выводили строчку за строчкой. Она торопилась зафиксировать всё, пока детали не растаяли: строгую геометрию домашнего иконостаса, живой рубиновый свет лампадки, узор на белой скатерти и, самое главное, — интонацию голоса, согревшего её душу. *Анечка*.

Строчки ложились неровно, прерываясь многоточиями — Анна пыталась запечатлеть на бумаге то ускользающее, детское чувство защищённости, которого ей так не хватало всю жизнь.

Закончив, она откинулась на спинку стула и перечитала написанное. Слова выглядели удивительно — будто они были продиктованы кем-то свыше, а не рождены её собственным писательским умом. Но в них пульсировала живая, неоспоримая правда. Правда, которая пока оставалась далеко за п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.